

УДК 82. 091
Alexey V. Zyablikov

Kostroma state technological university
А.В. Зябликов
Костромской государственной технологической университет
cultural@kstu.edu.ru

РОЗАНОВ – РОЗОВ: СОЗВУЧИЕ ИМЕН И СУДЕБ **Rosanov – Rosov: Consonance of Names and Lives.**

Аннотация. Писатели В.В. Розанов и В.С. Розов при всей их мировоззренческой, интонационной и стилистической непохожести друг на друга обнаруживают глубокое внутреннее сродство, приближаясь к семейной теме. Семья квалифицируется ими как духовно-нравственная основа человеческого бытия.

Ключевые слова: семья, дом, супружество, литература, драматургия.

Abstract. Despite their dissimilarities in world outlook, intonation and style writers V.V. Rosanov and V.S. Rosov reveal deep affinity of attitudes to family subject. They both view family as the moral basis of human being.

KEY WORDS: family, home, marriage, literature, drama.

Перекрестье и созвучье имен и судеб: Розов – Розанов – удивительно! Провидение свело их в одной точке пространства – в маленьком заволжском городке Ветлуге (Розанов родился там 20 апреля 1856 г., один из его литературных псевдонимов – Ветлугин). Примерно в то самое время как Розовы перебирались из Ярославля в Ветлугу, Розанов бежал из Петербурга в Сергиев Посад. Когда в 1923 г. Розовы обосновались в Костроме, Розанов, умерший в 1919 г., уже был заклеен большевистской властью не просто как нежелательный, но как оголтело враждебный писатель. Появившаяся в 1923 г. книга Л.Д. Троцкого «Литература и революция», в которой Василий Васильевич назван трусом, лгуном, певцом «приживальства и содержанства» [5], сделала упоминание имени Розанова опасным. Понятно, что Розов, чья юность пришлось на годы индустриализации и коллективизации, читал других авторов. Хотя временные, исторические и политические обстоятельства отлучали писателей друг от друга, высшие силы упорно сводили их, добиваясь почти точной симметрии судеб. Оба – и Розов, и Розанов – поднялись из последней бедности костромской и стали литературными явлениями. Оба настаивали, что впечатления костромского детства во многом сформировали их писательскую органику. Став знаменитыми, ни Розанов, ни Розов не стыдились своей костромской «породы», не отрекались от малой родины как от «пятна» на репутации. Оба увлекались коллекционированием: Розанов собирал монеты, Розов – марки. Признавался, что подростком в поисках филателистических сокровищ забирался в мусорный ящик, стоявший во дворе Костромского исполкома и срывал марки с конвертов, которые туда выбрасывались мешками. Оба воспели Волгу. На долю обоих выпала счастливая семейная жизнь. В судьбе Розова была Варвара Дмитриевна Бутягина, в судьбе Розова – Надежда

Варфоломеевна Козлова. Этот, семейный, пункт, бесспорно, ключевой, главный!

Интонационно писатели Розанов и Розов далеки друг от друга, но именно приближение к семейной теме обозначает их внутреннее родство. Сцена из пьесы Розова «С вечера до полудня» (1969), когда Нина Жаркова, прокравшись ночью к спящему Лева Груздеву, умоляет его «подарить» ей ребенка, является вполне «розановской» по колориту. «Половая» проблематика, к которой явно тяготел Розанов и которой вроде бы всегда сторонился Розов, обозначена здесь акцентированно. «Больше всего на свете, – признается Нина, – я хочу ребенка, своего ребенка. До умопомрачения. Чувствую, знаю, жизнь моя будет осмысленной и полной. Ты постарайся представить, что такое одинокая женщина. Одна. <...> Подари мне ребенка». Пуританская советская мораль ставит поступок Нины в разряд предосудительных, а не поддавшийся на соблазны Лева выглядит – опять-таки с точки зрения морали – человеком долга и чести. Однако у читателя и зрителя остается другое впечатление. Нина, которая готова ради ребенка, рожденного к тому же от любимого человека, переступить через некие заскорузлые условности, вызывает у нас искреннюю симпатию, а безупречно-правильный Груздев – безразличность. «Если бы ты, Лева, – вразумляет Нина, – переступил через свою убогую порядочность! Знаешь, порядочный человек – он далеко не все понимает в жизни, хотя, может быть и шибко учен. У него только порядок – оттого его и зовут порядочным. А жизнь, Лева... в ней беспорядка хватает, ей нужны и беспорядочные люди. Может быть, тоже для порядка».

Думаю, и эту сцену, и этот пассаж Розанов оценил бы. В контексте «Опавших листьев», где Василий Васильевич предельно лаконично сформулировал известный «канон Розанова», Лева Груздев выступает как лицо, сотворяющее «не то, что нужно» [2, 300]. Сотни страниц написаны Розановым о нестыдности и «метафизической тайне» материнства. Тысячи слов сказаны им в защиту детей, награжденных циничным и подлым ярлыком «незаконнорожденных». Острый интерес Розанова к семейной проблематике во многом объясняется грустным личным опытом писателя: невозможностью добиться развода от своей первой жены А.П. Суловой, тайным браком с В.Д. Бутягиной, неясным правовым статусом своих детей.

Розанов настаивает на автокефальной природе семьи, на которую не может распространяться произвол государства: семья – «первая Богу церковь на земле», «священнее семьи вообще ничего нет» [3, 12, 22]. Цивилизация выхолащивает религиозную, нравственную суть семьи. Усилиями консисторских и судейских чиновников семья, по мысли писателя, превращена в нерасторжимо-унылый юридический союз (вспоминается советский тезис о семье как «ячейке» общества), а женщина и ею рожденное дитя и вовсе «куда-то запиханы ногами, в какую-то яму» [3, 16]. В начале XXI в. цивилизация шагнула еще дальше: сегодня семья квалифицируется многими как некий бизнес-проект, в котором деликатность, нежность и любовь играют весьма несущественную роль. При этом деторождение («зерно супружества», по Розанову) входит в перечень второстепенных, а зачастую и вовсе не

планируемых задач. А что сказал бы Розанов о развернувшемся на просторах Старой Европы движении в защиту однополых браков, отменяющих сами понятия «мама» и «папа»? Собственно, успел сказать главное, назвав Европу «континентом испорченной крови» [3, 75].

Упадком, извращением сакрального смысла семьи объясняет Розанов такие социальные язвы, как пьянство, проституция, бытовой насилие. Трагедия сиротства – в этом же ряду. Семья создается «срастанием», любящим «прилеплением» супругов и детей, проникновением их в тончайшие поры друг друга. Для семинаристов, например, такая практика имела привкус чего-то экзотического. Обычно бывало так: «объехал уезд, выглядел невест» (здесь Розанов, увлекшись, начинает мыслить стихами) – и прожил всю жизнь с нелюбимой женой, «как полено около полена» [3, 141]. Привыкание, общие бытовые заботы не только не вредят супружеской любви, но, напротив, обеспечивают ее здоровое и долгое цветение. Что значит расчленив живое тело семьи, писатель иллюстрирует впечатлением костромского детства. По соседству с Розановыми, возле Боровкова пруда, жил бедный портной с семейством. Неприметный и скромный человек, он все время был занят работой перед единственным окном своего маленького дома. После внезапной смерти портного, его жена – детское потрясение Розанова – сидела прямо на земле и даже не плакала, а выла и визжала: «Она была совершенно помешана от горя и недоумения» [3, 86]. К слову, Виктор Розов, признавался, что, отправляясь в 1940 г. в Кострому на похороны матери, он переживал сильный внутренний страх: боялся впасть в отчаяние у гроба родного и близкого человека [4].

Семья, не согретая любовью и сердечным теплом, превращается, по выражению Розанова, в «чумной бубон» [3, 26], который не охранять надобно, а лечить. Потому союз супругов, впусивших в свой дом эту заразу, может и должен быть расторгнут. «*Посохшее дерево* – вот семья безлюбивая, – проповедует писатель. – Ни минуты не щадите ее: она никогда не оживет! Рубите ее, выворачивайте корень и в ямку помещайте новый саженец, *другую семью*. Вот рецепт садовода и семьеустроителя» [3, 116]. Еще одно характерное для Розанова сравнение: «Супружество как замок и дужка: если чуть-чуть не подходят – то можно только бросить. <...> Но русские ужасно как любят сберегать имущество замками, к которым “дужка” только приставлена. “Вор не догадается и не тронет”» [2, 302]. Розанов настаивает, что развод служит здоровью семьи, а не увеселению и распутству. Трудно представить себе мужчину, убеждал писатель, который, увидев в паспорте избранницы «прописку о трех мужьях, захотел бы вписаться к ним четвертым» [3, 106]. Увы, стилистически безупречную эпидейктическую аргументацию Розанова – он в ней силен, как никто другой! – двадцатое, а тем более, двадцать первое столетие, подвергают сомнению. Для XX в. куда актуальнее афоризм польской поэтессы Марии Павликовской-Ясножевской: «Мужчины что мыльные пузыри: первый всегда неудачен, второй уже лучше, но только третий по-настоящему красив и радужен» [1]. Чем не жизненный девиз розовской Таты Пивоваровой из пьесы «Гнездо глухаря»? Сознание мужчины тоже мутирует: для многих женщина «с прошлым» имеет более высокую аукционную цену. XXI в.,

обозначивший своими стратегическими целями именно «увеселение и распутство», предпринявший широкомасштабное наступление на здравый смысл и традиционные ценности, превратил «прописку о трех мужьях» в безусловное достоинство и конкурентное преимущество женщины

Мысль Розанова о разводе как об эффективном способе «дезинфекции» семьи современникам казалась дерзкой и крамольной. Смушала и розановская апология пола как трансцендентной сущности, формирующей «тело» семьи. Гневилла розановская критика церкви, которая, по убеждению писателя, стыдливо и безучастно проходила мимо чуда зачатия, мимо «труда, страха и тайны» [3, 52] беременности.

Конечно, Розов не мог быть внятным союзником или, напротив, оппонентом Розанова в этих вопросах. Советская эпоха, окончательно десакрализовавшая пол, переместила его в плоскость гигиены, в плоскость плакатов, рассказывающих о том, как молодым матерям нужно ухаживать за своими сосками. Тем не менее Розов в своем секулярном и стерильном (в сравнении с сочащимися половой проблематикой розановскими текстами) творчестве не отвергает и не опровергает аргументы своего земляка. Хотя, возможно, и не утяжеляет. Да и сам Розанов, при всей своей эпатажной пристрастности к означенной теме, на поверку оказывается ортодоксальным традиционалистом, защитником и пропагандистом семьи в ее незамутненности, ветхозаветной, ипостаси.

Семейная тема для Розова является ключевой. Его драматургию отличает настоящий культ молодости. Почти всегда в центре внимания автора юноша – в чем-то романтик, в чем-то максималист, в чем-то идеалист. Чистая душа с ее «прекрасными порывами». Именно память детства, вмещающая в себя прикосновение рук матери и колыбельные песни, ходики, мягко тикающие на стене, и солнечный луч, пробивающийся утром сквозь задернутую занавеску, в значительной степени формирует нравственный иммунитет человека, заставляет сопротивляться фальши и пошлости. Шестнадцатилетний Пров Судаков, герой пьесы «Гнездо глухаря» (1978), стремясь разоблачить нечестность Георгия Ясюнина, мужа сестры, попадает в милицию. Объясняя потом мотивы своего странного поступка (вырвал на улице у Георгия портфель с «джентльменским набором» спешащего на любовное свидание мужчины), Пров говорит: «Я хочу, чтоб дом был чистый». А в какой-то момент и вовсе заявляет своему номенклатурному родителю о планах жениться на дочери торговки овощами – для «оздоровления сословия».

С другой стороны, сама по себе юность еще не гарантия внутреннего благородства, совестливого и честного взгляда на вещи. Студентка Ариадна Филипповна Коромыслова («Гнездо глухаря»), приходит в дом к Искре Ясюниной, чтобы заявить права на ее мужа. Коромыслова подводит под свое требование целую идейную базу – со ссылками на мировую классику и прогрессивный опыт Европы. Дескать, хватит жить ветхозаветными преданиями: «Вон моя подруга Тата Пивоварова третьего дня шикарную свадьбу сыграла. А вчера мне говорит: я, кажется, ошиблась. Ну и что же, бывает. Говорит: буду разводиться. И все спокойно, без Достоевщины».

Бездарный актер Владлен Горкин («Скрытая пружина», 1989) и вовсе живет на содержании у стареющих женщин, понукая их своими инфантильными капризами. Вот так, без «достоевщины», без внутренних терзаний и угрызений совести существуют розовские герои-«всадники». В терминологии Кима Жаркова, героя пьесы «С вечера до полудня», «всадники» – это люди, несущиеся по жизни, не разбирая, куда их лошадь «ставит копыта». Они легко перешагнут через законы добра, чести и справедливости, демагогически оправдывая это жизненной необходимостью, правом более сильного и успешного. О своих идейных оппонентах «всадники» отзываются как в завистливых посредственностях и обиженных неудачниках. Они считают себя идущими в ногу с эпохой. Их не соблазнишь патриархальным именинным пирогом или шумной возней малышни. Розов предчувствует и остро переживает состояние мира, где традиционные ценности оказываются лишь помехой на пути к бытовому комфорту, благосостоянию, демократии и прогрессу. В пьесе «Праздник» (1974), устами Нины Сергеевны Зосимовой Розов формулирует свое отношение к современной цивилизации, которая, борясь с одними «чертями», тут же порождает других.

Именно в 1970-е гг. резко поползла вверх кривая разводов. В 2002 г. она достигла своего пика: 837 разводов на тысячу браков! [6]. Впрочем, статистика, которая, как известно, знает все, не может оприходовать такую самобытную форму межполового союза, как сожителство, щеголеватое именуемое «гражданским браком». Названная связь, не подразумевающая никаких обязанностей и ответственности сторон, конгениальна жизненным запросам, принципам и возможностям цивилизованного потребителя. К 2012 г. количество детей, рожденных вне брака, увеличилось (по отношению к 1970-м гг.) почти втрое.

В начале XXI столетия «всадническая» мораль нашла себе подкрепление в виде «толерантности», которая требует быть терпимым к любым девиациям, аномалиям и патологиям (моральным, сексуальным и пр.), но вовсе не предполагает такого отношения к традиционным ценностям и нормам. Герой новой эпохи – завсегда супермаркетов, а не библиотек, косметических салонов, а не музеев. И уже не удивляешься появлению на экране напомаженного «гостя студии», который, начальственно развалясь в кресле, заявляет: «Знаете, я никогда не хотел построить дом, вырастить дерево и родить сына».

Конечно, такая жизненная философия не могла вызвать у Розова никакого сочувствия. В пьесах роздано достаточно оплеух креативным господам с подобными взглядами. Вот Валерьян («Перед ужином», 1961), который полагает, что настоящая любовь была только в эпоху лучины и тарантаса. Вот Валентин Селищев («Затейник», 1964), повествующий о своей семейной жизни: «Детей нет. Я и сам не очень настаивал: визг, писк... Может, и надо было, да теперь поздно». Поклонник статистики Лева Груздев («С вечера до полудня») наставляет окружающих: «Вы меня извините, но, по-моему, дом – это умирающее устройство. Может быть, и милое, но уходящее навсегда...» В комедии «Скрытая пружина» (1989) Розов дает волю своему сатирическому

таланту, показывая, сколь извращенные формы может приобретать «всадническая» мораль. Примечательна монструозная фигура «культурной» начальницы Галины Никифоровны Игнатенко, не скрывающей своего сожаления о том, что согласилась на мольбы мужа родить детей.

Сродни педагогическим и семейным – эстетические дискуссии, которые в пьесах Розова вспыхивают то там, то тут. Вот малосимпатичный образ литературного критика Агнии Шабиной («Традиционный сбор», 1966), которая в жертву изысканному слогу и интеллектуальному блеску приносит правду, справедливость, человечность и прочую «сентиментальную чепуху». Она признается, что не любит серость, обыкновенность (видимо, для нее это равнозначные понятия). Розов спорит с Агнией устами Сергея Усова: «Может быть, в твоих литературно-критических эмпиреях одни небожители, а я по земле шатаюсь...» Литературные споры идут в пьесе «С вечера до полудня». Старый писатель Андрей Трофимович Жарков, который не может преодолеть издержки соцреализма (сын его Ким с удовольствием читает булгаковский «Мастер и Маргарита», а при чтении «производственного» отцовского романа засыпает). Друг Жаркова Константин Егорьев тоже почитывает Сартра и Хэмингуэя. В итоге Андрей Трофимович, усомнившись в своем писательском призвании, поступает радикально, по-гоголевски: сжигает все свои рукописи. Жарков снова обретает внутреннюю свободу, желание жить, работать, любить. Он не может ждать ни минуты и просит Егорьева помочь ему переставить мебель в кабинете: «По-новому хочу». У героя словно пелена спадает с глаз: писательские амбиции не стоят того, чтобы приносить им в жертву добрые отношения с близкими, способность «чужой радости радоваться». По-своему это настроение выражает дочь Жаркова Нина, вразумляющая субличного Леву Груздева: «Я живу тут, в этой суматошной Москве, в нашей не очень уютной квартире, среди своих забот и печалей и все же чувствую себя рядом с Богом».

Героиня пьесы Розова «В день свадьбы» (1963) Нюра Салова в какой-то момент осознает, что чувства ее избранника Михаила притворны. Драматург очень долго размышлял над развязкой этой свадебной истории. Кровавые варианты с пистолетной пальбой, в духе «Бесприданницы» А.Н. Островского, само собой, исключались. Финальные строки пришли к писателю как озарение. Нюра Салова оказалась гуманней своего товарища по несчастью Карандышева. Вместо изуверского «Так не доставайся ж ты никому!» она изрекает со слезами на глазах: «Иди, Миша, иди!.. Отпускаю!!» Семья, не согретая супружеской любовью, не будет счастливой. Когда один из провинциальных театров решил подкорректировать финал розовской пьесы и не разлучать новобрачных, Розов был просто взбешен.

Таким образом, и у Розанова, и у Розова семья неизменно предстает как одна из нравственных основ бытия, как способ формирования «корневой системы» человека. Надежность дома, тепло супружеской любви, радость материнства и отцовства не сравнимы ни с чем. Впрочем, этот волшебный очаг перестанет согревать человека, если тот не осознает всю меру ответственности за своих близких, если он не умеет понимать и прощать, если он не готов что-то изменить в себе самом.

Если розановская философия семьи вырастает из преодоления юношеских ошибок и страданий, в ней чувствуется душевный надрыв мужчины, сражающегося за свое право быть счастливым отцом и супругом, то жизненный опыт Розова убеждает: для того чтобы познать радость супружества и согреть душу возле семейного очага, совсем не обязательно чувствовать за спиной зловещую тень Аполлинарии Прокофьевны. Есть вещи, под которыми Розанов и Розов подпишутся единодушно: семья – это нечто большее, нежели ячейка общественного улья; «семья чиста – крепко и государство» (Розанов) [3, 104]; одинокий, не познавший радость отцовства мужчина ничем не лучше и не счастливее бездетной женщины. Розанов и Розов – настоящие поэты семейного быта с его «благостью и глубиной» [3, 54], с его чадолюбием и супружеской нежностью.

Библиографический список

1. Душенко К.В. Большая книга афоризмов. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 450.
2. Розанов В.В. Миниатюры. – М.: Прогресс-Плеяда, 2004.
3. Розанов В.В. Собрание сочинений. Семейный вопрос в России – М.: Республика, 2004.
4. Розов В.С. Путешествие в разные стороны. Автобиографическая проза. – М.: Сов. писатель, 1987. – С. 442.
5. Троцкий Л.Д. Литература и революция. – М.: Политиздат, 1991. – С. 48
6. Госкомстат [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.